

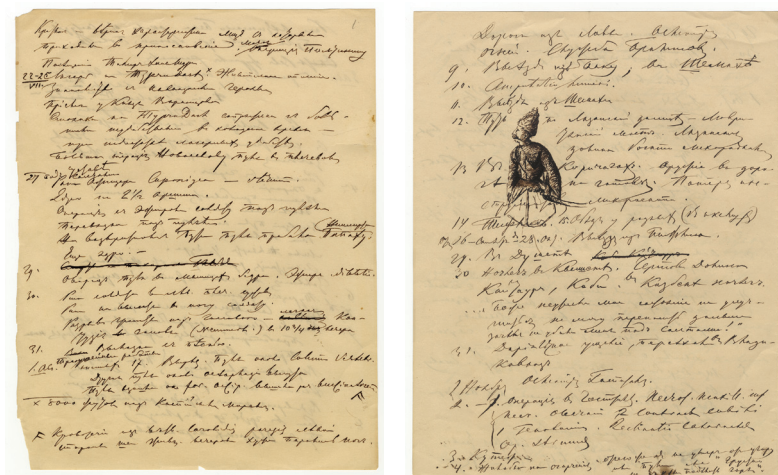
Т. А. Цатина (Москва)

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О БИТВЕ ПОД САЛТАМИ В СОБРАНИИ ОПИ ГИМ

В ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1847 год был временем, когда главнокомандующий кавказскими войсками кн. Михаил Семенович Воронцов и лидер горцев имам Шамиль уделяли особое внимание междуречью Казикумухского Койсу и Каракойсу в Нагорном Дагестане. Военно-стратегическое, политическое и экономическое значение этого района обусловили невероятное упорство обеих сторон в военном противостоянии¹. Неслучайно кн. Воронцов лично возглавил войска, задачей которых было покорить верные Шамилю

Ил. 1. Штурм аула Салты 14 сентября 1847 г. Художник Франц Рубо

Ил. 2, 2а. Фрагменты дневника медика. ОПИ ГИМ Ф. 419. ГИМ 23898. Арх. 3921

аулы Гергебиль и Салты. После неудачной для русских войск попытки в июне 1847 г. овладеть Гергебилем главнокомандующий 27 июля того же года разбил лагерь при ауле Салты, который еще в 1845 г. считался базой сторонников мюридизма² и на защиту которого стеклись верные имаму воины многочисленных горских обществ.

Салтинское сражение – одно из самых ярких, длительных и кровопролитных событий Кавказской войны (ил. 1). Осада аула Салты, длившаяся почти два месяца, с 25 июля по 14 сентября 1847 г., и закончившаяся успешным для царских войск штурмом, нашла отражение в официальных реляциях, письмах, воспоминаниях. Нами обнаружен еще один очень любопытный источник – дневник непосредственного участника этих событий, медика, который документально, практически ежедневно вел записи с 22 июля по 26 декабря 1847 г. (ил. 2, 2а). В это время он находился в расположении русских войск, где оказывал медицинскую помощь, а затем совершил вместе с Пироговым обратный путь, вплоть до Москвы.

Надо сказать, что осада и штурм аула Салты вошли не только в военную, но и в медицинскую историю (ил. 3). Именно здесь в 1847 г. впервые в военно-полевых условиях врач Николай Иванович Пирогов применил эфир как наиболее прогрессивный на тот момент способ анестезии для проведения операций. Потому

этот дневник представляет собой ценность и как источник по военной истории, и как источник по истории медицины.

Дневник хранится в отделе письменных источников ГИМ в необработанном фонде № 419, состоящем из материалов, собранных П. И. Щукиным³. Как дневник попал к коллекционеру – неизвестно.

Прежде чем перейти к содержанию дневника, остановимся на его происхождении. Дневник не подписан, и автор его нам пока не известен. Тем не менее, с большой долей вероятности можно предположить, что он принадлежит перу старшего фельдшера Ивана Калашникова, который был отправлен с врачами Н. И. Пироговым и П. Ю. Неммертом⁴ на Кавказ в июне 1847 г. Эта знаменательная поездка нашла отражение в изданном в 1849 г. Пироговым Н. И. «Отчете о путешествии по Кавказу»⁵, в котором Пирогов писал, что ему было велено императором «испытать возможности приложения эфирных паров к производству операций на поле боя...» И далее: «В помощь мне при исполнении этих поручений был назначен ассистент при хирургической госпитальной клинике г. доктор Неммерт и старший фельдшер 2-го военно-сухопутного госпиталя Калашников»⁶.

Из «Отчета» Пирогова и других источников известно, что медики выехали 8 июня 1847 г. из Санкт-Петербурга на сибирском тарантасе в направлении Кавказа. В конце июня – начале июля они были в Пятигорске, где Пирогов в госпитале провел

Ил. 3. Карта осады аула Салты

показательные операции с эфиром. Затем их путь лежал через Моздок, Кизляр, Кази-Юрт, Чирт-Юрт, Темир-Хан-Шуру, вечером 22 июля они прибыли на плато Турчидаг⁷, после чего спустились вниз под Салты. Там в расположении русских войск они находились до 24 сентября, когда после успешного штурма аула и оказания медицинской помощи раненым выехали в сторону Москвы, куда и приехали 16 декабря.

Начало обнаруженного нами дневника утрачено, и первые три строки не датированы, но в них обозначено пребывание в Теми-Хан-Шуре. Однако уже через несколько строк стоит дата 22–25 июля. Последние записи дневника – 16 декабря (прибытие в Москву) и 26 декабря – отбытие из Москвы, судя по всему, в Петербург. Эти даты полностью совпадают с датами пребывания Пирогова и сопровождавших его медиков на Кавказе и их обратного пути в Москву. Так же как и перечисленные в дневнике населенные пункты с датами нахождения в них по дороге к аулу Салты (начиная с Темир-Хан-Шуры и Турчидага) и в обратную сторону, вплоть до отъезда из Москвы, полностью совпадают с тем маршрутом, который проделали Пирогов и сопровождавшие его медики по направлению к театру военных действий и обратно и который описан Пироговым в «Отчете».

Автором дневника не могли быть ни П. Ю. Неммерт, ни сам Н. И. Пирогов, так как они упоминаются в дневнике как третьи лица⁸.

Отметим еще такой дополнительный аргумент в пользу приписывания нами авторства дневника Калашникову: врачи, которые сопровождали Пирогова на Кавказ, были с ним и под Севастополем. Это и Неммерт, и Дукшинский, и Калашников. О последнем речь идет и в ряде писем, адресованных Пироговым жене из Севастополя⁹.

Обратимся теперь к самому дневнику. Он представляет из себя сложенные 8 листов, без обложки, исписанных малоразборчивым почерком. На одном из листов есть небольшой рисунок, на котором запечатлен кавказский воин. Дневник повествует о трудовых буднях медперсонала весьма лаконично, порой несколькими строками или даже несколькими словами за день. Однако дни более активных боевых действий, когда поток раненых увеличивался, записи становятся более распространенными – например, за 23 августа, в день сражения за салтинские сады, записи заняли две страницы.

Начало дневника, как уже было отмечено, утрачено, и первая, недатированная, запись выглядит так: «Краткая-верная характеристика лиц, с которыми приходил в соприкосновение. Малая операция Полтинину¹⁰. Посещение Темир-Хан-Шуры».

Итак, автор прибыл в укрепление Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск), которое с 1847 г. являлось центром военного и гражданского управления Дагестаном и основным пунктом сбора раненых на левом фланге Кавказской линии.

Следующая строчка дневника, датированная интервалом 22–25 июля, информирует, что автор находится уже в лагере у горы Турчидаг на высоте 8000 футов над Каспийским морем. Там происходит его знакомство с «кавказскими героями»; также он присутствует на приеме у главнокомандующего войсками на Кавказе кн. Воронцова. В записи за эти дни упоминается о «большой операции Новоселову¹¹, пуля в плечевом суставе».

27 июля автор уже под Салтами, где врачи тут же приступают к лечению больных. «Рана офицера Сиронеуса... Операция с эфиром солдату под пулями».

29 июля автор отмечает смерть и похороны Глебова. (Надо сказать, что за этой краткой информацией скрывается сообщение о гибели адъютанта кн. М. С. Воронцова, Михаила Павловича Глебова, который здесь же, на Кавказе, в 1841 г. был секундантом Мартынова в роковой дуэли с М. Ю. Лермонтовым).

Последующие практически ежедневные записи за август-сентябрь выглядят стенограммой о проделанной за день работе: перевязки, операции с эфиром, ампутации. Назовем фамилии раненых, указанных в дневнике: Полтинин, Новоселов, Слепцов¹², Бибанов¹³, Крюковский¹⁴, Кинжалов, Мищенко¹⁵, Энгельгардт, кн. Гагарин¹⁶, Прокопович¹⁷, лекарь Сорокин, кн. Аргутинский-Долгорукий¹⁸, Гейден¹⁹ и др. Некоторые из них были упомянуты в «Отчете» Н. И. Пирогова, в записках находившихся в Салтах при штабе Воронцова Н. В. Исакова²⁰ и врача Э. С. Андреевского²¹. Остановимся на отдельных случаях.

Операция Новоселову, о которой сообщает автор дневника 22–25 июля, была произведена Пироговым с применением эфира как показательная при некотором скоплении народа и самим Пироговым описана в «Отчете» весьма кратко²², а вот Эраст Степанович Андреевский, личный врач главнокомандующего войсками на Кавказе гр. М. С. Воронцова и его семьи, состоявший в 1847 г. в звании гражданского генерал-штаб-доктора

Кавказа и являвшийся в некотором роде конкурентом Пирогова, оставил о ней весьма саркастическое воспоминание: «Пирогов завонял своим эфиром весь лагерь, к общему удивлению всех привел Новоселова, раненного под Чохом, в бесчувственное положение так, что он ревел благим матом и страшно метался во время длинной и совершенно бесполезной операции, которую потом через несколько лет поправил И. В. Бюальский²³ в Петербурге (отыскав пулю, которую никак не удалось Пирогову)»²⁴.

Об этой же операции оставил воспоминания и Н. В. Исаков, состоявший офицером Генерального штаба при Дагестанском отряде кн. М. З. Аргутинского: «Приехал к нам Н. И. Пирогов, чтобы убедиться, действительно ли у нас плохи лекаря, и в день его приезда вместе с дровами принесли раненого офицера. Натурально, Пирогов пошел сделать перевязку. Мы все бросились смотреть первое употребление эфира для усыпления во время операции; кто держал за руку, кто за ногу бедного Новоселова (он был впоследствии плац-майором в Царском Селе), пока ему надели маску и усыпляли посредством эфира. Затем Пирогов со своим ассистентом, маленьким, но очень искусным хирургом, Неймертом, сделали разрез в плече, Пирогов долго искал пулю, сделал еще разрез сзади плеча, искал обеими руками, долго хладнокровно перевязывая артерии лигатурой, весь сам в крови, однако же объявил нам, что теперь пули найти нельзя и, вероятно, она сама выйдет»²⁵.

7 августа автор дневника сделал запись: «Рана кн. Гагарина. Раздробление кости, эфир. Проботорный разрез. Эфир. Ампутация ноги».

По поводу этого случая сохранилось более подробное описание у Н. В. Исакова: «Он [Гагарин] впереди своей милиции внесся в лощину, где был лагерь, был ранен, отнесен в лагерь; позвали Пирогова, который позвал несколько врачей посмотреть и отнял ногу в науку их неумелости, о консервативной хирургии ни он, да и никто тогда не думал. Нам невольно стало тогда приходиться на мысль не слишком ли уж это быстро и нельзя ли в случае подобном быть подальше от Пирогова»²⁶.

15 августа на позициях русских войск отмечался праздник Успения. 17 августа автор ездил к раненому чохцу²⁷ за Цудахар и провел в седле 11 часов.

22–23 августа (в годовщину коронации императора, как отмечено самим автором) произошло одно из самых яростных сражений; отряд под командованием генерала Бюрно занял

салтинские сады, тут же соорудил завалы из камней, стойко их защищал, затем вынужден был спуститься к низовому укреплению и там отбил 8 атак. Неслучайно в этот день запись наиболее обширна. Приведем ее полностью, заметив предварительно, что, насколько нам известно, именно в этом дневнике впервые соотносятся сражение за сады при ауле и годовщина коронации Николая I, к которой активизация военных действий, возможно, и была приурочена.

«23 [августа] У нас ранено до 200, убито 152. Убит Бибанов (рана в бок и брюхо. Контужен в голову камнем – “не отдал пушки” – убит пульей в голову. “Мы все пропали без нашего отца Бибанова” – говорили все графские²⁸ солдаты.)

Ранены 3 офицера, один в брюхо (сальник вышел – смерть). Другой в грудь навылет. Многие ранены пулями в упор с раздробленными костями. Саблями, шашками, кинжалами с крючьями по 5 ран. Хирургической работы от 8–11 часов.

...Я вынул 12 пуль, сделал 15 расширений и наложил 6 швов от 1½ до 5 и после от 6–12 ночи я сделал 2 ампутации. Пирогов одно вылушение плеча, 2 ампутации, другой врач 4 ампутации, я вылушил палец, устал ужасно в крови по горло и еще 50 человек трудно раненых нам не доставлены. Некоторые салтинцы были в панцирях и кольчугах. Раны нашим сзаду при отзыве милиционер. Завещание Бибанова.

Ранены картечью. Один с перебитой левой рукой, он не владеет ею, он убивает прикладом двух салтинцев и говорит: теперь можно и умереть, убив 8 собак.

Если завтра такая же работа, как сегодня, то ненадолго меня хватит...

Мы не разгибали целый день спины.

Эфирование при свечах, подсвечники из обороченных штыков весьма оригинальны».

Заметим, что Бибанов, один из героев кавказской войны, был очень любим и почитаем среди сослуживцев. Ему посвящены небольшая брошюра «Полковник Бибанов. Жизнеописание», составленная вышеупомянутым Новоселовым²⁹, а также страницы изданий по истории 83-го пехотного Самарского полка³⁰.

24 августа произошло нападение на Орбелиани³¹. И далее опять перевязки, раны, ампутации...

3 сентября автор начал делать перевязки в 5 часов утра, так как часть раненых перевозили в Кумых³² в сопровождении

Пирогова. По поводу этого краткого отъезда Пирогова из лагеря существует в литературе мнение, что он был связан с не очень удачной операцией на глаз кн. М. С. Воронцову, которую делал Пирогов и которую раскритиковал Э. С. Андреевский³³. На эту же тему – следующая запись в дневнике от 4 сентября: «Совещание с Андреевским о болезни глаза Воронцова. Отказ Неммерта». Судя по всему, Неммерт отказался делать какие-либо медицинские манипуляции на глазу главнокомандующего. Воронцов впоследствии писал, что спасением глаза он обязан Э. С. Андреевскому. (Из-за проблемы с глазами Воронцов практически не осуществлял командование при окончательном штурме Салты.)

Наконец осада подошла к концу, и русскими войсками было предпринято два штурма – 9 сентября и (окончательный) 14 сентября, когда горцы были окончательно выбиты из аула.

В дни штурма Салты 9 сентября автор записал: «В 4 часа ночи нас разбудили. В 5 часов жестокая канонада. – “Это был ад...” Штурм. – “Мы осматривали с 6 до 4½ больных” 4 amputati. Я две... Вечером приносят от Орбельяни раненых загоревшимися ракетами... “Я устал”».

10–11 сентября – записи о схватке на батарее, об убитых и раненых.

14 сентября, на Воздвиженье, как отмечает автор, опять жестокая канонада и штурм. Много убитых и раненых. Кн. Аргутинский, командовавший штурмом, ранен в ухо. Ранен в живот лекарь Сорокин. Раненый Прокопович, перевязанный, идет в дело и погибает. «Я работал с 6 до 4, и с 9 до 11. 2 amputati. Устал наповал». 15 числа перевязки длились почти весь день. 16 сентября – до 40 ампутаций.

Помимо своих раненых, медики оказывали помощь и пленным. 16 сентября была проведена ампутация мюриду, у которого была рана колена и бедра. Отмечена терпеливость мюрида³⁴. Далее идет запись «В 4 часа поехал отрезать голову мюриду». Речь, видимо, идет о голове наиба Идриса, героя обороны Гергебиля в июне 1847 г. Об этом сюжете упоминает Пирогов в своем «Отчете»: «На тропинках и во рвах позади аула лежали еще трупы бежавших, между ними лежал и наиб Сартис (он же Идрис. – Т. Ц.), знаменитый своей стратегической распорядительностью... Череп его достался нам»³⁵ Впоследствии череп наиба был передан в Императорскую Военно-медицинскую академию³⁶.

Помимо ранений военных беспокоила и холера. Перед тем как начать осаду Салты, кн. М. С. Воронцов с войсками провел на Турчидаге, который находится на высоте более 2 км над уровнем моря, 5 недель, чтобы излечить их от холеры, которая отступает в высокогорьях. Однако внизу, в салтинском лагере, холерные эпизоды вновь стали встречаться, и автор дневника 11 августа записал: «Холера. Опыт с эфиром над холерными».

Под Салтами было применено еще одно новшество для облегчения страданий раненых – алжирские портативы. В записи за 8 августа автор упоминает и о «пробе алжирских портативов». Речь идет о средстве для переноса раненых. «Во время нынешней экспедиции, – писал Пирогов, – по высочайшему повелению мне поручено было испытать носилки и лежанки, употребляемые в Алжире для транспорта раненых»³⁷. Пирогов благосклонно отзывался об этом изобретении и считал, что алжирские носилки в условиях дагестанских гор причиняют раненым значительно меньше страданий и требуют меньшего количества обслуживающего персонала.

Были опробованы здесь и крахмальные повязки. Они употреблялись, как правило, для фиксации конечностей. Позже Пирогов писал, что под Салтами узнал «различные невыгоды» этих повязок³⁸.

Находясь непосредственно вблизи театра военных действий, медработники сами подвергались опасностям и заболеваниям. Можно представить себе их эмоциональное состояние, особенно в первые дни попадания на театр военных действий, ведь они привыкли оказывать помощь больным и раненым в госпиталях, в более спокойной обстановке. 27 июля автор записал: «Операция с эфиром солдату под пулями. Перевязка под пулями. На возвратном пути пуля пробила папаху Неммерта». На следующий день у автора дневника над головой разорвалась граната, что привело к легкой контузии, в другой раз «три пули легли со свистом возле меня», а «мимо Неммерта пролетело ядро (5 августа). «Через палатку Неммерта пролетела граната (10 августа). ...Картечь рикошетом легла около нашей палатки» (12 сентября) и так далее. Преследуют и болезни: 1 сентября – «Неммерт болен на перевязке». Досаждают насекомые: «Едят осы, блохи. Кожа лезет с рук».

Помимо лечения больных важно было тщательно вести протоколы лечения, операций, перевязок. Пирогов отмечал, что «статистика была ведена весьма аккуратно сопровождавшим меня

ассистентом, доктором Неммертом»³⁹. Отчеты же об операциях большей частью приходилось писать в конце рабочего дня, часто в темноте. Так, 18–19 августа в дневнике отмечено, что Неммерт писал истории болезни в холодную ночь при лунном освещении. Надо думать, что при статистической обработке своего врачебного опыта под Салтами Пирогов использовал и отчеты, которые писал автор дневника. А тот писал их постоянно, о чем много упоминаний в дневнике, а после штурма 14 сентября, когда было особенно много раненых, он писал отчеты чуть не все дни подряд: 18 сентября: «перевязки и пишу целый день»; 19 сентября: «18 часов пишу отчеты»; 20 сентября то же; 21 сентября: «Не выхожу из палатки, все пишу. Руки и поясница немеют. Поражение слизистых оболочек»; 22 сентября: «Пишу до обморока».

Автор дневника – искусный медик. Из дневника следует, что он проводил самостоятельно ампутации, делал вылушивание костей, вырезывание пуль, не говоря о перевязках. Дважды он отмечал, что его лечением довольны ахтынцы, которых в том числе поражает медицинское приспособление – катетер. Испытывая несколько ревностное чувство к Пирогову, однажды он заметил: «Пирогову слава, мне работа».

Автор дневника обращал внимание и на особенности ведения военных действий. 19–20 августа он отмечает меткость неприятельских выстрелов. Горцы попадают через узкие бойницы русских орудий прямо в глаз стрелка. Именно в эти дни произошло ранение Энгельгардта в левый глаз через отверстие щита. А точность попадания неприятельских винтовок такова, что выстрелы с 35 саженей (ок. 64 м) расщепляют спицу в колесе. Пули, по его наблюдениям, состоят из сплава меди и свинца. Это, кстати, подтверждается и другими источниками и объясняет тяжесть ранений. Среди орудий горцев он выделяет фальконеты – небольшие пушки малого калибра. Для поджога леса осаждающие использовали брендскугели – зажигательные снаряды гладкоствольной артиллерии. Как отмечено выше, некоторые салтинцы были одеты в кольчуги и панцири.

Но вот Салты взяты, и 24 сентября автор вместе с Пироговым выступает в обратный путь. Перед ними разворачивалось «зрелище пожара» – это догорал сожженный аул. Дорога лежала через Левашы, Оглы, Темир-Хан-Шуру, где они были размещены в холерном госпитале «без выюков... Я сплю на досках и бурке. В госпитале 7 операций».

Далее следуют деревни Хили, Буйнаки. Уже и природе отводится место на дневниковых листах: «Ехали по берегу Каспийского моря над облаками». Привлекают внимание тополя, чинары и «божественные виды при дожде, холоде и голоде...». Дорога красива, но и полна опасностей. В Дербенте были вынуждены передвигаться с конвоем, так как существовала опасность нападения «немирных кайтайцев»⁴⁰. 3 октября в Дербенте медиками был осмотрен госпиталь, в котором на следующий день Пирогов провел операцию, а автор вырезал кусок разбитой кости и вправил вывих. 6 октября они в госпитале в Кокуме. Госпиталь произвел хорошее впечатление. «Раненые все выздоравливают». Затем следуют Куба, Баку, Шемах, в котором проведена операция по ампутации плеча. Далее путь лежал по Лозанской долине, которая «богата лихорадками». В Коричагах были потеряны инструменты и микроскоп. Долгая, почти на 2 недели, остановка в Тифлисе, с 16 по 28 октября, где автор дневника обедает у родных. Далее в дневнике буквально одним словом идет перечисление населенных пунктов, через которые они проезжали: Душет, Квешети, Чертова долина, Кайтаур, Коби, Казбек, Дарьяльское ущелье и, наконец, Владикавказ, где ими был осмотрен госпиталь и проведена операция, а 3 ноября там же имел место «кутеж». Затем Ставрополь, Екатеринодар, где была проведена операция. Далее Тамань, Фанагория и Керчь, где были также проведены операции, Феодосия, Симферополь, Одесса. В Киев прибыли 5 декабря, а 7 декабря в госпитале – операция. Запись за 9 декабря: «Осмотр Лавры и катакомб. Упал с дрожек с Пироговым, ушиб лица и плеча». 11 декабря – выезд из Киева, далее через Нежин, Глухов, Орел, Тулу в Москву, куда автор прибыл 16 декабря, и из которой выехал 26 декабря, видимо, в Санкт-Петербург.

Познакомив читателя с этим любопытным источником, хотелось бы остановиться на двух особенностях дневника. Во-первых, дневник порой производит впечатление подготовительной работы для написания либо своих воспоминаний об этих событиях, либо, возможно, заготовки для чьих-то воспоминаний. Например, в дневнике встречаются такие фразы: «Сцены из солдатской жизни», хотя сами сцены не описаны, или «Описание праздника (Успение)», но самого описания нет. Также на обратном пути в Дербенте от 3 октября имеется запись: «Описание города с историческими заметками» – но самого описания также нет. Есть еще аналогичные примеры.

Другая особенность дневника – некоторые фразы в самом дневнике даются в кавычках. Например, за 21 августа запись «...скучно, нет мне работы. Все ухаживают за Пироговым. Я чужд всему. Я сбоку, я толерирован...» дана в тексте в кавычках. Кавычки имеются и в вышеприведенном отрывке за 23 августа, и в записях за 26 августа: «Моим больным с ампутациями в худ», или за 31 августа после фразы: «Удачи Пирогова» идут в кавычках слова: «Мне во всем изъян». При этом надо заметить, что кавычки не всегда закрываются, возможно, по небрежности автора. Здесь непонятно, закавычивает ли автор свои мысли и эмоции, или он цитирует кого-то, например, того же Неммерта. И если закавыченные слова принадлежат Неммерту, то рискну предположить, что и вышеозначенная особенность дневника в том, что отдельные фразы (как темы для дальнейших воспоминаний), может быть, были сделаны для Неммерта или кого-то еще, кто мог планировать в дальнейшем описать этот эпизод своей жизни или тогда же вел записи, которые были известны автору дневника. Все эти особенности являются предметом дальнейшего изучения, которое возможно при условии обнаружения новых источников и сведений по этой проблематике.

Изложив основные сюжеты из дневника медика, наблюдавшего осаду и штурм аула, что называется, изнутри, перейдем к свидетельствам о тех же событиях самого главнокомандующего, кн. М. С. Воронцова, и его доктора, Э. С. Андреевского, которые имеются в архиве кн. М. С. Воронцова, также хранящегося в ОПИ ГИМ. В фонде 60 описи 2 в единице 2123 отложились письма кн. М. С. Воронцова и Э. С. Андреевского к Ивану Тимофеевичу Ягницкому, бывшему адъютанту князя Воронцова (отличившемуся, как и князь, в войне 1812 г.), а затем управляющему его именьями. Также там имеется письмо (копия) Воронцова Ладинскому Петру Антоновичу⁴¹, начальнику гражданского управления Закавказского края.

Первое письмо за интересующее нас время написано главнокомандующим к Ягницкому 28 июля в лагере при Салтах. В нем сообщается, что, освободившись в Турчидаге от холеры, войска спустились, чтобы «заняться истреблением укрепленной деревни Салты и дать возможность верной нам деревне Цудахар вновь выстроиться». В отправленном оттуда вскоре, 1 августа, письме доктора Э. С. Андреевского к тому же Ягницкому лагерь у Турчидага назван «Божьим карантинном против холеры».

Андреевский советует управляющему воспользоваться его наблюдениями о способах борьбы с холерой, которые он поместил в газете «Кавказ»⁴², издававшейся с 1846 г. по инициативе Воронцова. Описывая Салты, Андреевский отмечал, что они сильно укреплены стенами, блиндажами, оборонительной казармой, башнями, ямами и «разной чертовщиной», и чтобы щадить людей, Воронцов велел осадить Салты правильной осадой. Днем, по словам Андреевского, обстановка спокойная, однако по ночам постоянно идет перестрелка, которая наносит небольшой урон, однако среди убитых – адъютант князя, штаб-ротмистр гвардии Глебов. (О нем упомянуто и в дневнике медика. См. выше. – Т. II.).

Следующее отложившееся в фонде письмо (копия) М. С. Воронцова адресовано к Петру Антоновичу Ладинскому, начальнику гражданского управления Закавказского края. Оно написано по горячим следам сражения за Салты, а именно 18–24 сентября⁴³. Воронцов писал, что опыт семинедельной сильной атаки и то, что видно теперь, после взятия аула, показало, что ни в одном случае в истории Закавказской войны неприятелем не было принято таких мер для укрепления какой-либо местности, «как было сделано теперь под строгим распоряжением Шамиля. Это была настоящая крепость». Воронцов разъяснял, что общий штурм был почти невозможен, а потому были употреблены всякого рода побочные средства, как-то значительное количество двухпудовых бомб, которых не жалели, сильный артиллерийский огонь. Благодаря тому, что были заняты сады, приближены бекеты и ночные резервы, было пресечено сообщение с аулом и подвоз провианта. Вода же, текущая в аул, была испорчена ежедневным бросанием в нее навоза со всего лагеря: из одного только небольшого источника в садах малая часть гарнизона могла ночью брать воду, однако и то под выстрелами русских войск. Были проведены масштабные инженерные работы, давшие возможность подойти к самой стене и разрушить ее батареями.

Отдавая должное защитникам аула, князь отмечал, что «приговоренный к смерти гарнизон или фанатизмом, или угрозами Шамиля страдал и терпел геройским духом».

Изнурительная осада Салт была тяжела и для осаждающих. Воронцов признается в письме, что если бы защитники аула еще могли сопротивляться, то он не покинул бы крепость, «а скорее положил бы здесь свои кости, нежели уйти, не взявши Салты, но

продолжение осады скоро бы стало и для нас тяжело»⁴⁴. Фураж подходил к концу, перемена погоды могла бы вызвать болезни... Для Воронцова победа над Салтами была особенно важна после неудачной осады Гергебиля, а также по тому эффекту на окружающие горские общества, который должна была произвести эта победа. В письме присутствуют следующие патетические строки: «Долго Дагестан будет помнить жребий этого несчастного аула и защитников оно; увидим, какое это будет иметь влияние на власть Шамиля повсюду»⁴⁵.

При этом письмо Воронцов посылал Ладинскому статью, которую просил немедленно напечатать и выдавать особым листом в Тифлисе и окрестностях, а также напечатать в газете «Кавказ», а само это письмо, за неимением времени писать отдельно, показать кн. Эристову, О. А. Реутту и всем желающим знать подробности, снять копию и послать генералу Эсперо в Кутаис, а также прочесть Патриарху. Воронцову было важно, чтобы правильное изложение событий как можно быстрее было доставлено тем, кому об этом знать необходимо «ибо до них нескоро еще дойдут справедливые слухи». (Заметим, что в газете «Кавказ» подробное известие о взятии аула Салты было опубликовано в № 39, вышедшем 27 сентября).

В те же дни, 21 сентября, Э. С. Андреевский адресует Ягницкому полное неостывшими эмоциями письмо – отчет о взятии Салт, укрепленных «как будто бы сам Сатана распорядился инженерными работами у Шамиля»⁴⁶. В целом ауле, по его словам, имелась всего одна узенькая улица, с подвалами, крытыми ходами, стенами, завалами и пр. Во время осады гарнизон аула сменился несколько раз. Потери горцев при штурме Андреевский называет «ужасными», а русских – незначительными (за оба штурма около 340 человек). Он сообщает Ягницкому и о своем пациенте – кн. Воронцове, который накануне впервые вышел на улицу из палатки, так как глаз почти поправился, не потеряв ни зрения, ни наружной формы. Воронцов считал себя всецело обязанным Андреевскому в плане спасения своего глаза, о чем он наряду с известием о взятии Салт сообщил Ягницкому в письме от 29 сентября из Темир-Хан-Шуры⁴⁷.

На этом мы заканчиваем обзор документов о салтинском сражении, хранящихся в ОПИ ГИМ. В заключение скажем, что обнаруженный нами дневник медика дополняет фактическим материалом историю осады и штурма аула Салты, биографии

участников этой баталии, передает динамику военных будней. Практически ежедневное освещение медицинской помощи, оказываемой автором, Пироговым и его помощниками раненым обогащает новыми сведениями историю применения эфира при операциях в военно-полевых условиях, ставшее переломным моментом в русской военно-полевой хирургии. Приведенные примеры отношения Исакова и Андреевского к операциям с эфиром, проведенным Пироговым, отражают непростое отношение к этому нововведению. Следует еще отметить, что данный дневник дополняет работу Геселевича А. М. «Летопись жизни Н. И. Пирогова (1810–1881)⁴⁸, поскольку в нем имеются более подробные сведения о проведении операций Пироговым под Салтами, неотраженные в «Летописи»; также более детально описан обратный путь в сторону Москвы. И наконец, дневник является беспристрастным свидетельством человеческих страданий и ужасов войны и памятником мужества, самоотверженности и профессионализма врачей, работавших на театре военных действий (ил. 4).

Сведения о взятии Салт содержатся в разных в официальных источниках, начиная с напечатанного в том же году издания

Ил. 4. Н. И. Пирогов на перевязочном пункте при осаде аула Салты. Художник П. Д. Бучкин

штаба отдельного Кавказского корпуса «Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 г.». Однако письма Воронцова и Андреевского, не внося принципиально нового в описание этого сражения, обладают эмоциональной ценностью, содержат интересные характеристики, суждения и оценки произошедшим событиям⁴⁹.

¹ См. об этом также М. Гаммер. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Москва. Крон-Пресс. 1998 г. 512 с. С. 255–260.

² См. Мунаев В. С. Северный Кавказ и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844–1854 гг. Ставрополь, 2012. С. 76.

³ ОПИ ГИМ Ф. 419. ГИМ. 23898 Арх. 3921.

⁴ Неммерт Петр Юльевич (1819–1858) – доктор медицины, профессор патологической анатомии Санкт-Петербургской Военно-Медицинской академии. С 1842 г. состоял ассистентом госпитальной клиники Н. И. Пирогова. В 1847 г. сопровождал Н. И. Пирогова на Кавказ.

⁵ Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу, содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций, произведенных на поле сражения и в различных госпиталях России с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч. / [Соч.] Н. Пирогова, акад. и п. о. проф. С.-Петерб. медико-хирург. акад... СПб.: Тип. Э. Праца, 1849.

⁶ Н. И. Пирогов. Собрание сочинений в 8 т. М., 1959. Т. 3. С. 83. О Калашникове в примечаниях к Отчету сказано: Калашников Иван, лекарский помощник, сотрудник Н. И. Пирогова по медико-хирургической академии. Вместе с Н. И. Пироговым был в Кавказской экспедиции 1847 г. Умело готовил анатомические препараты, делал скелеты. Ездил с Н. И. Пироговым в Крым во время первой и второй поездки. Там же. С. 529.

⁷ Геселевич Анатолий Михайлович. Летопись жизни Н. И. Пирогова (1810–1881). М.: Медицина, 1976. С. 36.

⁸ На всякий случай отметим, что в дневнике упомянуты как третьи лица и врач Дукшинский, и лекарь Сорокин.

⁹ Надобно отдать справедливость Калашникову, который утром и вечером часов по пять работает в гангренозном отделении; только человек такой, как он, привыкший к нечистым работам в анатомии, может выносить столько, сколько он выносит, возясь с гнилью и живыми трупами... Письмо Пирогова к жене, А. А. Пироговой, от 30.01.1855 г. Н. И. Пирогов. Собрание сочинений в 8 т. М., 1959 г. Т. 6. Ч. 2.

¹⁰ Михаил Петрович Полтинин(?-?) – генерал-лейтенант, участник заграничного похода, Русско-персидской, Русско-турецкой и Кавказской войн, георгиевский кавалер.

¹¹ Семён Корнилович Новосёлов (1812–1877) – генерал-майор, участник Кавказской войны. Принимал участие в штурме Гергебиля в июне 1848 г., 23 июня во время фуражировки у села Чох был ранен.

¹² Слепцов Николай Павлович (1815–1851), участник кавказских войн, генерал-майор.

¹³ Бибанов Алексей Иванович (?–1847) подполковник, командир 5-го батальона пехотного Варшавского полка.

¹⁴ Возможно, имеется в виду Круковский Феликс Антонович (1804–1852), генерал-майор, бывший наказной атаман Кавказского линейного войска. В 1845 г. был назначен командиром Нижегородского драгунского полка, с которым воевал, в том числе, под Салтами.

¹⁵ Мищенко, майор мингрельского егерского полка. См. о нем также: Н. А. Волконский. Трехлетие в Дагестане. 1847 год. Осада Гергебиля и взятие Салты. Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. 6.

¹⁶ Гагарин Юрий Павлович (1811–1858) – сотник гребенского казачьего полка.

¹⁷ Прокопович – поручик Эриванского полка. См. о нем также История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. Сост. Штабс-капитан Шибанов. Тифлис, 1871. С. 180–181.

¹⁸ Князь Моисей Захарович Аргутинский-Долгорукий (1797–1855) – генерал-лейтенант (1845); в январе 1847 г. был назначен Дербентским военным губернатором. 14 сентября 1847 г. возглавил штурм аула Салты. 8 ноября 1847 г. был назначен командующим войсками в Прикаспийском крае.

¹⁹ Граф Федор Логинович Гейден (1821–1900) – начальник главного штаба при Александре II, финляндский генерал-губернатор (1881–1897). За отличия при производстве траншейных работ под аулом Салты, во время которых был ранен, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени; затем – орденом Св. Георгия 4-й степени (25 ноября 1847 г.) «в воздаяние за отличное мужество и храбрость, оказанные против Горцев, при покорении укрепленного селения Салты, в 1847 году».

²⁰ Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал от инфантерии (1878). В начале 1846 г. был командирован на Кавказ, где состоял офицером генштаба при дагестанском отряде кн. М. З. Аргутинского-Долгорукова, отличился при штурме Салт.

²¹ Андреевский Эраст Степанович (1809–1872) – доктор медицины, генерал-штаб-доктор Кавказской армии, д. с. с., основоположник российской курортологии.

²² Один офицер на фуражировке был ранен в плечевой сустав без повреждения кости; пуля засела у него в глубине и нам, несмотря на расширение разреза, не удалось ее извлечь. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу // Пирогов Н. И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1959. Т. 3. С. 69.

²³ Буяльский Илья Васильевич (1789–1866), русский анатом и хирург, заслуженный профессор Императорской Медико-хирургической академии (1839).

²⁴ «Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского». Одесса, 1913. Т. 1. С. 61.

²⁵ «Из записок Н. В. Исакова. Кавказские воспоминания. Русская старина, 1917 г. Год XLVIII. Т. 169. С. 335.

²⁶ Из записок Н. В. Исакова. Кавказские воспоминания. Русская старина. Год. 48. 1917 г. Т. 170. С. 50.

²⁷ Чохцы – жители аула Чох в Гунибском районе Дагестана.

²⁸ Графский солдат – имеется в виду солдат Графского отряда.

²⁹ Полковник Бибанов. Жизнеописание. Изд. гвардии-полковником Новоселовым. СПб., 1858 г.

³⁰ История 83-го пехотного Самурского его императорского высочества великого князя Владимира Александровича полка. Т. 1. Составил капитан А. Петров. Петровск.

(Даг. Обл.): тип. А. М. Михайлова, 1892. См. также 83-й Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. 1845–1881 года. Сост. Рекалов. Ставрополь. 1911.

³¹ Князь Илико Зурабович Джамбакуриан (Илья Дмитриевич) Орбелиани (1818–1853) – генерал-майор русской армии. В битве под Салтами командовал в Дагестанском отряде пехотным батальоном.

³² Кумых – село в Дагестанской области.

³³ См. об этом: С. Б. Маньшев. Отправлен на Кавказ для... применения употребления эфира. (Н. И. Пирогов на Кавказе и становление военно-полевой хирургии в середине XIX века.) // «Новое прошлое». Кавказский пленник. 2018. 3. Ростов-на-Дону.

³⁴ Об этой ампутации Пирогов писал: ...Одна нога его перевязана тряпками; я думал, судя по его равнодушию, что он незначительно ранен. Но каково же было мое удивление, когда, сняв повязку, я увидел, что нога его, перебитая ядром выше колена, висела почти на одной только коже. На другой день после отнятия бедра этот же мюрид сидел между нашими ранеными так же спокойно и с тем же стоицизмом. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу // Пирогов Н. И. Собрание сочинений. Т. 3. С. 70.

³⁵ Там же.

³⁶ См. об этом Сергей Маньшев. «Злоключения головы» // <https://etokavkaz.ru/istoriya/zloklyucheniya-golovy>

³⁷ Н. И. Пирогов. Собрание сочинений. Т. 3. С. 82.

³⁸ Сочинения Н. И. Пирогова. Изд. В память столетия со дня рождения Н. И. Пирогова. 1810–13 ноября–1910. Киев, 1910. Т. 1. С. 9.

³⁹ Там же. Т. 1. С. 6.

⁴⁰ Кайтайцы – этническая группа даргинцев, жители Дагестана.

⁴¹ Ладинский Петр Антонович (1784–1865) – генерал-лейтенант, начальник гражданского управления Закавказского края.

⁴² «Наблюдение доктора Э. С. Андреевского о холере». Газета «Кавказ» № 27 от 05.07.1847. С. 106–107. Здесь Э. Андреевский приводит состав «воронежского эликсира», излечивающий от холеры.

⁴³ ОПИ ГИМ Ф. 60. Оп. 2. Ед. 2123. Л. 66-70.

⁴⁴ Там же. Л. 67.

⁴⁵ Там же. Л. 68.

⁴⁶ Там же. Л. 71.

⁴⁷ Там же. Л. 73.

⁴⁸ Геселевич Анатолий Михайлович. Летопись жизни Н. И. Пирогова (1810–1881). М.: Медицина, 1976. 100 с.

⁴⁹ Салтинское сражение явилось одним из сюжетов повести известного дореволюционного писателя Василия Немировича-Данченко, брата известного драматурга, выросшего на Кавказе в семье офицера, воевавшего под началом Воронцова, проведшего детство в военных гарнизонах и слышавшего рассказы отца и его сослуживцев об экспедициях и набегах. Это произведение художественными литературными приемами интересно передает эмоциональную, психологическую составляющую Кавказской войны в целом и эпизода, связанного со штурмом Салт, в частности.